

A man with short blonde hair and a light beard, wearing a blue suit jacket over a light blue shirt, is looking off to the side. A woman with long, wavy brown hair and red lipstick is looking towards the camera. They are both smiling slightly. The background is a blurred cityscape at night.

ВИКТОРИЯ
ВОЛКОВА

ДЕЙСТВУЙ,
ЖЕНА!

Виктория Борисовна Волкова

Действуй, жена!

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67614368
Действуй, жена!: 2022*

Аннотация

Ни слова лжи! Если ведешь скандальный блог под прикрытием, будь готова к разоблачению. Удрать не удастся, придется выкручиваться. И нужно принять помощь, даже если она приходит от известного актера, о ком писала гадости с завидным постоянством. Вот только звезда экрана настроен непримиримо. И выдвигает свои условия. Ошеломительные и дерзкие...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виктория Волкова

Действуй, жена!

Глава 1

Кира

Дождь барабанит по стеклу, и щетки уже не справляются. «Добраться бы до дома без происшествий», – только и успеваю подумать я, как, повернув на проспект, вливаюсь в огромную пробку. И не объехать никак!

– Ептиль, – ругнувшись, осматриваюсь по сторонам. – Твою налево...

Сразу понимаю, что выбраться из этого ада мне не удастся. Все примыкающие улицы тоже плотно забиты. Остается только ползти в стаде таких же неудачников и пресекать попытки всяких наглецов, решивших втиснуться вперед меня. Машины медленно плетутся одна за другой.

– Наверняка авария, – говорю я двум мишкам-брелокам, болтающимся под зеркалом заднего вида. – Но нам с вами, дорогие мишутки, спешить некуда.

Дома меня никто не ждет. Даже кота нет!

И потихонечку двигаясь в потоке, я беру с соседнего сиде-

нья смартфон и начинаю писать очередной пост. Благо тем у меня всегда с избытком. Пусть я не самый скандальный блогер Инстаграма, но отчаянно стремлюсь к этому. Я не пишу обо всем подряд. Есть постоянные клиенты. Некоторые даже приплачивают, ибо черный пиар – тоже реклама и гораздо лучше полного забвения. Другая категория платит, чтобы я посты не публиковала. Иногда иду навстречу, но чаще такие просьбы, от кого бы они ни исходили, я игнорирую. У меня сильная поддержка, и мало кому хочется встречаться с моими адвокатами. Есть еще и третья группа – о них я пишу с особой любовью. И на просторах интернета давно известно, что достоверную информацию о каждом из своих любимцев я куплю задорого. Главное для меня – подтвержденные факты. Суд меня оправдает. Хотели, господин хороший, популярности, вот и получите!

– Я же не про всех пишу, – доверительно сообщаю мимолеткам и, открыв присланные на секретную почту откровенные фотографии, начинаю пристально рассматривать. Первым делом смотрю полученный компромат на моего любимого. Леха Воскобойников – звезда российского кинематографа, новый Смоктуновский, как написал о нем какой-то сумасшедший, зажигает с девицами в клубе. Сам Леха в расстегнутой до пупа рубашке глупо таращится на почти голых девиц в блестящих бикини и в камеру, замаскированную под заколку самой ушедшей красавицы.

– То-то он с нее глаз не сводит, – усмехаюсь я. Да и что

греха таить! Вот люблю я этого парня. Искренно и нежно. Роли у него все героические. То спасает кого-то на льдине, то побеждает вселенское зло в космосе. Наш родной Брюс Уиллис. Внешне, правда, не похож. Брюсик уступает Лехе по многим показателям. Наш-то на голову выше звезды Голливуда и в плечах пошире. Да и с волосами полный порядок. Длинные светлые лохмы до плеч. Зеленые глаза с прищуром. И харизмы целый вагон. Красивый мужик, но двуличный. В кино играет верных и преданных, а в жизни предаёт всех и вся, с кем только соприкасается. Одних брошенных невест на маршрутку наберется. Бедные девахи на что-то надеялись. Некоторые, заполучив на пальчик заветное колечко, уже готовились к свадьбе и даже не подозревали, что их обольют грязью и выставят за порог. Вот, кстати, про бывших Воскобойникова я не пишу. Жалею малюток...

Закрываю файл и, медленно продвигаясь за желтым фургоном, открываю другое письмо.

– Так-так-так, – фыркаю довольно. – Жена известного бизнесмена с посторонним мужиком. Кто такой? Почему не знаю? – хмыкаю я и пытаюсь открыть еще фотографии, но телефон зависает, а пробка неожиданным образом рассасывается. Приходится отложить Самсунг в сторону и прибавить газку. Дождь, будто не думая заканчиваться, припускает с новой силой. Тоже повод для раздражения, а второй – мое коронное место под окнами, занятое какой-то навороченной голубой Маздой.

«Кто посмел?» – мрачно перебираю я про себя нерадивых жильцов. И внезапно прихожу к выводу, что все остальные машины нашего маленького, но очень элитного дома стоят на своих местах. Кое-как нахожу место в глубине двора под раскидистым вязом и, оглядев нависающую сверху ветку, приказываю ей:

– Не вздумай упасть!

По лужам несусь к дому, накрыв голову сумкой от Фурлы.

«Босоножкам хана», – рассуждаю я, мельком глянув на тонкие полосочки кожи, облегающие мои ноги. Тоже повод для злости, учитывая, сколько я за них отвалила! Еще раз окинув гневным взором машинку, явно принадлежащую девочке-дебилке, вламываюсь в подъезд. Отряхиваюсь, как бездомная собака, и сразу же натыкаюсь на Ольгу Иннокентьевну из девятой квартиры.

– Там льет сильно, – сообщаю я милой старушке в сандаликах и шляпке. – Лучше не выходить на улицу.

– Я хлеба забыла купить, Кирочка, – жалуется она. – Вечером даже чайку попить не с чем.

– Там ливень, – повторяю я, доставая из сумки пакет с выпечкой. Каюсь, грешна. Люблю поесть пирожочков и круасанчиков. – Возьмите своей рукой, – предлагаю, открыв пакет. – Свежие. Я после работы покупала.

– Спасибо, Кирочка, – бормочет бабулька, доставая круасан и пирожок с мясом. – Вот выручила меня.

– На здоровье, Ольга Иннокентьевна, – улыбаюсь я. – Пой-

демте наверх. Я вас до квартиры провожу.

– Конечно, Кирочка, конечно, – вздыхает старушка. – Что в такую погоду на улице делать?

По дороге на третий этаж Ольга рассказывает мне что-то из собственной жизни. Я не перебиваю, но и не слушаю.

– А что за цаца на мое место машину поставила? Вы, случайно, не видели? – интересуюсь мимоходом, когда бабулька открывает дверь в свой тамбур, и тихо радуюсь, что моя миссия закончена.

– Так это же твои новые соседи, Кирочка, – вздыхает Ольга. – Саша то ли продал квартиру, то ли опять пустил квартирантов...

«Отлично», – хмыкаю я, спускаясь к себе на второй этаж. Самый лучший вариант! За те три года, что я живу в этом доме, техника воспитания нерадивых жильцов выработана до автоматизма. Сначала я стучусь к новоявленным соседям и тихо-мирно прошу переставить машину и больше мое место не занимать. Но адекватные люди у нас встречаются редко. И народ обычно начинает лезть в бочку. Но у меня особо не забалуешь. После первого же скандала я звоню Сашке, хозяину соседней квартиры, и рассказываю ему о своих знакомых в налоговой инспекции.

– Ну что опять случилось, Кира? – вздыхает он и обещает поговорить. Обычно его разговоров хватает на все время пребывания квартирантов. Только ужасно жаль, что они быстро съезжают и сменяются с завидной регулярностью. А

новые так и норовят занять мое место!

Я вхожу в свой тамбур, где по стенам висят фотографии в рамочках и стоит кожаная банкетка, и сразу упираюсь в огромный пакет с мусором, красующийся ровно посередине. Ну, как в детской присказке – ни проехать ни пройти!

– Сама нарвалась, голубушка, – усмехаюсь я, нажимая кнопку звонка. Дверь открывается не сразу. Но и мне спешить некуда. Я-то почти дома, а оттого добра, весела и энергична.

А когда на пороге соседней квартиры появляется высокий мускулистый мужик в одних трусах, мы оба вздрагиваем от неожиданности.

– Привет, – говорит он и смотрит радостно. – А ничего, что я в трусах? – спрашивает обалдело.

Я опускаю глаза. Любуюсь кубиками накачанного пресса и смотрю ниже. Боксеры-слоники! Твою мать! Трусы с хоботом и ушами.

И тут уже офигеваю я.

– Привет, – вздыхаю устало, – мне вообще-то пофиг! А если твой зоопарк тебе мешает сдвинуть в сторону мешок, тогда пойди оденься. Но можешь убрать мусор и так. С него не убудет.

– Какая же ты стерва, Мансурова, – вздыхает он. – И вообще, что ты тут делаешь на ночь глядя и как попала на охраняемый объект?

– Могу спросить то же самое, Воскобойников, – отрезаю я,

наблюдая за кинозвездой и бывшим одноклассником. Леха наклоняется, переставляя к стене с венецианской штукатуркой гребаный грязный мешок. Я лениво пялюсь на его крепкую задницу и не сразу замечаю хвост, пришитый к боксерам сзади. Шагнув к своей квартире, открываю дверь на автомате. Мне бы сдержаться, но я хихикаю как последняя дуручка. Обалдев от моей реакции, Воскобойников начинает вертеться, пытаюсь рассмотреть свою великолепную пятую точку.

– Что там, Кира? – зыркает на меня недобро.

– Ой, не могу! – хохочу в голос. – Леха, там хвост! Ты совсем чокнулся, милый!

– Хвост? – удивляется гордость кинематографа и пытается двумя пальцами ухватить связанную из серых ниток косичку с кисточкой, чуть свисающую с оscarоносной задницы.

– А я не заметил, – растерянно чешет репу Воскобойников.

Я смотрю на его глупую физиономию, взлохмаченные волосы и жалею, что не могу сделать фото на память. Но для меня табу публиковать личные снимки, тем более что мы с Лехой одни в милом уютном тамбуре. Мой аккаунт в Инстаграм открыт, конечно, для широкой публики. Но все данные, указанные там при регистрации, хоть и являются абсолютно верными, ко мне привести не могут. За этим я тщательно слежу и никогда не выкладываю личные фотки. Кто-то запомнит, камера наблюдения срисует. Или вот как сейчас –

рядом ни души не окажется.

– Что тут происходит? – раздается писклявый голос от соседней двери. И кутаясь в тоненький халатик из занавески, на пороге появляется куколка Барби с искусно подведенными стрелками на глазах, фарфоровым личиком и длинными черными космами. Нефертити, блин!

– Ты кто такая? – орет она нечеловеческим голосом и пытается дотянуться до меня. – Лешу моего пришла отбивать? Я тебе сейчас покажу!

Я ловко отстраняюсь от Нефертити. Нет привычки связываться с сумасшедшими. Ее лапка с когтями проходит перед моим лицом, когда Воскобойников, очнувшись, кидается на перехват.

– Симона, любимая, – лепечет он, будто идиот. – Эта девушка живет в соседней квартире...

– Ты ее знаешь? – гневно восклицает царица Египта. – Или склеил, пока я в душе была?

– Ну, мы вообще-то давно знакомы, – дурашливо усмехается Леха. – С первого класса.

Врет, конечно, или забыл. Мы вместе и в детский сад ходили, и дрались, деля игрушки.

– Так ты специально купил мне квартиру рядом с любовницей?! – округляет глаза модель человека и, глотая слезы, несется вглубь квартиры.

– Прости, – на ходу бросает мне Леха и устремляется за ней. Хлопают двери, раздаются крики.

«Беги-беги», – фыркаю я, вваливаясь в свое жилище. Стягиваю с себя мокрые тряпки и нижнее белье. Надеваю любимое платье в пол и, включив чайник, прислушиваюсь к крикам, доносящимся из-за стены. Выуживаю телефон из сумки и звоню Сашке.

– Ты правда хату продал?

– Пришлось, Шакира, – вздыхает он. – Долги... сама понимаешь.

– Ты был классным соседом, – ободряю я Сашку и, поговорив еще с минуту, прислушиваюсь. За стенкой идет самый настоящий скандал. И из-за чего? Мы ведь с Лехой даже пары слов друг другу не сказали.

«Идиотизм, да и только!» – думаю я и чуть ли не подпрыгиваю, когда в дверь начинают колотить со всей дури.

– И кто же это у нас такой нетерпеливый? – ворчу, устремляясь в прихожую. Распахиваю дверь и успеваю вовремя посторониться, когда мимо меня в квартиру вваливается Воскобойников. И прижимая ладонью рану, из которой фонтаном хлещет алая кровь, рычит, преодолевая боль:

– Мансурова, сделай хоть что-нибудь!

Кровь капает на паркет, забрызгивает стены. А я несусь в ванную за полотенцем. Заматываю Лехину руку и, пока мой несчастный одноклассник тщетно пытается закрыть рану ладонью, мечусь по квартире в поисках жгута.

Цвет крови говорит уже сам за себя. Повреждена артерия! Я хватаю маленькое полотенце для лица и резинку для тре-

нировок. Подбежав к Лехе, быстро заматываю вокруг предплечья белую тряпку, затягиваю сверху жгутом. Слышу, как в тамбуре хлопают двери. Одна. Вторая.

– Нефертити сбежала? Поздравляю! – бурчу себе под нос. Лешка вроде не слышит. Да и, наверное, мало соображает от дикой боли.

Что случилось, я не спрашиваю, а лишь командую звезде экрана:

– Быстро в больницу, Леш! Нельзя терять ни минуты!

Он пытается мне что-то возразить, но кто из нас был в детском саду медсестрой и ставил всем уколы? Уж точно не Воскобойников!

– Быстро, я сказала! – рывкаю, обувая балетки. – Я машину к подъезду подгоню. Жди меня под навесом. Понял?

Леха кивает, качая больную руку. И только подъехав к крыльцу и наблюдая, как самый высокооплачиваемый артист российского кино прыгает ко мне в Фольксваген Туарег, я замечаю, что он в одних труселях, оснащенных хоботом и хвостом!

– Езжай на Ленина, – командует мой хвостатый друг. – Клиника «Родные люди». У меня там ДМС...

– У тебя резаная рана, – недоверчиво кошусь я на своего пассажира с хоботом. – Лучше в травмопункт... У тебя же полиса с собой нет.

– Примут, – хрипит он натужно. – Они знают и любят меня...

– Тебя все любят, – улыбаюсь я, скосив глаза на Воскобойникова.

– Звучит как издевка, – морщится он и, как только машина останавливается около высоких ворот и пропускного пункта, открывает окно.

– Пропустите, пожалуйста, – просит, показывая руку, и вздыхает тяжело. – Сам не дойду...

– Конечно-конечно, – ухает дедок, похожий на Гомера Симпсона, и бежит открывать ворота, будто ему предъявили самый настоящий пропуск.

– Вот они – плоды славы, – делано вздыхаю я.

– Ага, – криво ухмыляется Леха, – я умею торговать мордой.

Мне удастся найти место около самого крыльца. Аккуратно паркую машину и помогаю выйти болезному однокласснику. Санитарка на поле боя – картина маслом! Леха облачивается на мое плечо, и мы резвой рысью несемся в здание.

– Ах, Алексей Николаевич, – лопочет медсестра, встречающая нас около входа с креслом-каталкой. – Садитесь-садитесь, с вахты позвонили...

Воскобойников, в манере сильных духом, мотает головой, давая понять, что не желает в глазах публики казаться инвалидом.

– Ты бы сел, Леша, – шепчу я. – У тебя хобот и хвост ниже позвоночника.

Он кивает, улыбаясь мне, и, несмотря на боль, плюхается

на кожаный диван, стоящий около регистратуры.

– Нина, – решительно восклицает «наша» медсестра, – выпиши пропуск на Алексея Николаевича и сопровождающего. А я пока найду его историю болезни. Не волнуйтесь, – поворачивается она к нянчащему руку Воскобойникову, – Елена Васильевна уже спускается в операционную.

И сладко улыбнувшись нашему родному Брэду Питту, отпирает комнатку с надписью «Архив». Но, прежде чем заскокить внутрь, окидывает меня злым недоверчивым взглядом.

«Вот и ты, мать, удостоилась безликого «сопровождающий», – думаю я, подходя к аптечному киоску. Меня можно принять за кого угодно, только не за подружку пациента. Целомудренное платье с маленькой круглой горловиной, надежно скрывающее фигуру, и толстая мягкая косица делают меня похожей на сиротку. Моя сестра Малика зовет этот наряд братской могилой, уверяя, что я под ним всю себя похоронила одним махом. Коса завершает образ, скидывая лет десять. Король кинематографа и сирота казанская – подходящее название для нашей парочки. И пока Леха тихо стонет на современном диванчике, привлекая внимание аптекарши и всей регистратуры, мне приходится чуть кашлянуть, чтобы отвлечь пожилую хозяйку киоска. Понятное дело, не каждый день увидишь Алексея Воскобойникова в одних трусах, но и о других посетителях подумать надо.

– Одноразовый халат, – тыкаю я пальцем в витрину и, по-

лучив вожденный наряд из нетканого материала, возвращаюсь к Лехе.

– Надень, – шепчу я. – А то завтра станешь знаменитее Кончиты Вурст.

Воскобойников смотрит на меня странно, будто видит впервые, а затем с трудом поднимается с дивана. Я замечаю слишком бледное лицо стоящего передо мною мужчины и почти насквозь пропитавшееся кровью полотенце. Помогаю надеть Лехе халат, оставляя свободной раненую руку. Осторожно завязываю его на талии и снова смотрю на окровавленное полотенце. Еще немного, и оно уже не спасет.

– К нам кто-нибудь подойдет сегодня? – интересуюсь не совсем вежливо. – Или будете ждать, пока человек истечет кровью?

– А вы кто, собственно? – высовывается из регистратуры лохматая голова. – Мы оформляем. Елена Васильевна идет... Не устраивайте тут панику, женщина!

– Это моя подруга, – тихо рыкает Воскобойников, имея в виду, что мы дружили когда-то в детстве. Но курицы-наседки понимают его фразу по-своему. И их любопытные взгляды устремляются на меня. Краем глаза замечаю короткую вспышку камеры.

– Спасибо, дорогой товарищ, – шиплю недовольно, – вот ты мне удружил.

– Не бойсь, Шакира, – ухмыляется Леха, сжимая мои пальцы. Я пытаюсь вырвать руку из его лапищи, возмущенно

бурча. Но Лешка натужно улыбается и сжимает ладонь еще сильнее, будто удерживая меня. Мы возимся, как прыщавые подростки, и не сразу замечаем, когда рядом с нами возникает высокая строгая блондинка.

– Кто накладывал жгут? Во сколько? – требовательно спрашивает она, оглядывая Леху и его окровавленную конечность. Чуть растерявшись под ее суровым взглядом, я рапортую, как солдат на параде:

– Жгут накладывала я. Время девятнадцать тридцать.

– Профессионально сработано, – кивает доктор. – Пойдемте, Алексей Николаевич, – приказывает она Воскобойникову.

– Дождись меня, Шакира, не уезжай, – жалостливо заглядывая мне в глаза, стонет он на ходу.

Хочется напомнить Лехе, что ждать и догонять я давно отвыкла. Но резкие слова внезапно застревают в горле. И вместо того, чтобы послать подальше бывшего друга детства и уехать домой, я мяукаю, как идиотка:

– Конечно, подожду, Леша.

Как только раненый боец и его доктор скрываются в операционной, сажусь на диванчик и, открыв смартфон, начинаю строчить пост.

«Дождись меня», – рефреном проносится в голове. Когда-то я уже слышала похожую фразу, верила и ждала. Вот только ничем хорошим это не закончилось.

Глава 2

Кира

Заштопанного Воскобойникова мне сдают на руки примерно минут через сорок. Две молоденькие медсестры ведут под локотки раненого бойца и горделиво смотрят по сторонам. Жаль, конечно, но никого кроме меня в коридоре нет. Даже регистраторши разошлись по домам, прихватив с собой аптекаршу. Дедок-охранник, встречавший нас на въезде в клинику, подозрительно таращится на меня, но молчит. Да и мне некогда на него смотреть. За то время, что жду Леху, я успеваю накатать пост про жену нашего местного олигарха Пирогова, замутившую роман со студентом. Мой блог – «Рупор Дерзкой Анжелики» – не простаивает и дня. Ежедневно в нем публикуются злободневные новости и мое личное мнение о животрепещущих событиях.

«Страна должна знать, что я думаю!» – такой слоган я хотела разместить в шапке профиля, но моя сестрица Малика – компаньон, обеспечивающий прикрытия, – оказалась против.

– Тебя читают не только в России, – совершенно справедливо заметила она и предложила заменить слово «страна» на

слово «мир». Но тут уже возразила я. Мои посты точно не читают в Нигерии или в Сомали. Долго мы цапались и решили обойтись без слогана. Зато фотка Мишель Мерсье, там, где она в белой мужской рубашке и с распущенными волосами, прошла без всяких споров.

Блог в Инсте мы ведем вместе с Маликой. Аккаунт зарегистрирован на нее. Указаны все достоверные данные, но даже самым шустрым журналистам, сыщикам и Интерполу к ней не пробраться. Во всяком случае, пока никому не удалось. А учитывая особую направленность «Рупора», факт безопасности был и остается самым важным. Малика проверяет фотки на подлинность, отвергая любой фотошоп, даже простое осветление кадра, и рассчитывается с осведомителями. А с меня обличающие и едкие тексты, за которые многим хочется открутить автору башку. Нас такой творческий союз полностью устраивает.

Я лишь на минуту задумываюсь о сестре, отправляю ей пост на личную почту и поднимаю голову, заслышав в коридоре шаркающие шаги. Встаю навстречу и, улыбаясь, наблюдаю, как конвоиры в белых халатах ведут, поддерживая с двух сторон, здорового амбала со страдальческим лицом и в нетканом хитоне. Если бы сейчас какой-нибудь художник писал сцену снятие с креста, то увиденное мною трио как раз бы подошло для натуры.

– Все, Кира, – бормочет Воскобойников, припадая мне на плечо, – подлатали меня.

– Что же вы ему никакой одежды не принесли? – восклицает наивно одна из медсестер и торжествующе глядит на Леху, словно говоря: «Смотрите, товарищ артист, какая я умная и красивая. Может, бросите свою образину, и сходим в ЗАГС?»

– Поедем, Лешенька, – приторно-медовым голосом говорю я и, не обращая внимания на девиц, вывожу своего подопечного из клиники.

– Куда тебя отвезти, Лехес? – усадив болезного в Туарег, интересуюсь менее заботливо.

– Откуда взяла, туда и привези, – хмыкает он, морщась от боли. – Куда я в таком виде пойду? Будто из морга сбежал.

– Твои жабешки не поймут, – соглашаюсь я и, глянув на почетного пассажира моего авто, сталкиваюсь с испепеляющим взглядом.

– Кто? – рычит он.

– Бабешки, – быстренько поправляюсь я и делаю вид, что так и было.

– А то я подумал... – угрожающе бубнит он.

– Послышалось, милый, – выезжая с территории клиники, улыбаюсь я гадко. – Семейка твоя заботливая. Они тебя до сих пор на коротком поводке держат? А Нефертити им нравится?

– Шакира, – гневно предупреждает Воскобойников, – заткнись...

– А то что? – уточняю, покосившись подозрительно. – Вы-

садишь меня из машины? Не выйдет, Лешенька. Не нравится, иди пешком, – торможу я около парка, где, несмотря на поздний час, полно гуляющих. – Порадуй публику, и завтра из всех утюгов страны...

– Кира, и без тебя тошно, – баюкая руку, просит пощады Леха, и я замолкаю, следя за дорогой. Снова накрапывает дождь, и мне уже кажется, что там, в небесной канцелярии, кто-то включает душ, когда я выхожу из дома. Я врубаю магнитолу, и салон машины тут же наполняется криками Шнура «Начинаем отмечать!».

Песня, конечно, новогодняя... но мне так радостно слушать ее в любое время года.

Воскобойников морщится, будто съел таракана, хотя в детстве на спор слопал одного вполне спокойно.

– А ничего другого у тебя нет? – интересуется домашний гений. – Может, лучше в тишине ехать? Башка раскалывается...

– Да вроде Шнур под водочку самое то, – пожимаю я плечами, но музыку выключаю.

– А ты выпила, пока меня ждала? – ехидно интересуется Леха. – Что-то я сразу не понял...

– Ты под препаратами, Воскобойников, – хмыкаю я, въезжая во двор и, видя перекошенное от ярости лицо, поясняю: – Я про наркоз.

– Ну ты стерва, Мансурова! – протяжно ноет Леха и щелкает замком, открывая дверь. Но та не поддается...

– Сейчас отвезу тебя к тете Нине, – угрожаю я, называя его мать, как когда-то в детстве. – Сдам на руки. Пусть волшебные Ксень-Вер-Дан за тобой ухаживают и одновременно проедают плешь. Уже недолго осталось.

– Где? – попадается на крючок Воскобойников и задумчиво ищет на своей башке проплешину, выжранную тремя сестрами и матерью. – Выпусти меня, змея, – бурчит грозно.

– Ты мне надоел, – устало фыркаю я, – вот только из чувства искреннего сострадания... к себе любимой никуда тебя не повезу. Иди к своей Нефертити под бочок.

– Она уехала, – кивает Леха на мое место, – так что можешь поставить тут свою машину, чтобы нам завтра за ней не бегать.

«Что? – хочется заорать мне. – Вот спасибо, дорогой!»

Но я молча киваю и мастерски заезжаю на бордюр. Ставлю Туарежку в небольшой уютный тупичок, как раз под моими окнами.

– Пойдем, горе луковое, – вздыхаю натужно и, собираясь выйти из машины, грозно предупреждаю: – Еще раз назовешь меня стервой или змеей, и я звоню твоим родственникам.

– Больше не буду, – понуро обещает мне Леха. – Но и ты не ругайся больше, моя Кирюшенька, – бормочет он сипло и силится погладить меня по руке.

Меня!!! По руке!!!

«Вот лучше б еще раз назвал стервой», – еле сдерживаюсь

я, когда одним словом Воскобойников режет по давним шрамам. Хочу заорать: «Какая я тебе Кирюшенька!» – и стискиваю зубы, чтобы не вклеить по мордасам. Но больных, сырых и убогих бить нельзя. Я помню, учила в школе и поэтому с трудом, но сдерживаюсь. Выхожу из машины, стараясь избегать резких движений.

Вдох... Выдох. Полегчало, вроде.

Поднимаясь к себе на второй этаж, на минуту словно забываю о Лешке, пыхтящем мне в спину, и пытаюсь понять, что нужно с вечера подготовить на завтра.

«С утра пораньше – в бассейн», – напоминаю самой себе, распахивая дверь в тамбур, и замираю на секунду. Осматриваю стены и пол, забрызганные кровью. Рано лечь точно не получится. Пока все отмою. Нет, у меня есть, конечно, домработница. Но она приходит строго к девяти, когда я собираюсь на работу, а к тому времени отмыть от моих стен биоматериал нашего доморощенного Ди Каприо уже не удастся. Придется прямо сейчас вооружиться тряпками и химикатами и драить стены до первоначального вида. Или уже с утра пригласить маляров. Но, блин, за что мне этот цирк?

– Не убирай, – заявляет Леха, протискиваясь бочком в тамбур. – Я завтра клининг вызову, они все отмоют...

– Завтра уже закрашивать придется. В темный цвет, – отрезаю я, заходя в свою квартиру, и очень надеюсь, что Лехес воспользуется апартаментами египетской царицы.

Но дверь в соседнюю квартиру оказывается заперта.

– А ключей у меня нет, – вздыхает Алексей. – Пусти переночевать, а?

– С Ромкой свяжись, – велю я и сама понимаю, что сморозила глупость. Сотовый тоже остался в чертогах Нефертити. А обычные стационарные телефоны народ теперь не держит.

– Завтра с утра я ему на работу позвоню, – сообщает Воскобойников и, как ни в чем не бывало, заходит ко мне в квартиру. Здесь тоже будто курицу резали и она без головы носилась по всем комнатам.

– Чувствуй себя как дома, – бурчу я, сразу проходя в кухню и доставая с полки чашки. Включаю чайник, придвигаю в центр стола пакет с выпечкой. – Не стесняйся, – хмуро предлагаю я и сама себя одергиваю.

Кому?! Кому я это говорю, твою мать?!

– Прости, – кидает на ходу Леха без капли раскаяния. – Постели мне где-нибудь на коврик в прихожей, – шутит, включив все свое обаяние. Но у меня давным-давно выработался иммунитет на его шуточки. Будто прививку сделали!

– В гостевой спальне ложись, – коротко замечаю я, доставая из-под раковины ведро для уборки. – Там все постелено.

– Какие мы важные, – кривляется Воскобойников, садясь за стол и по-свойски вытягивая пирожок из пакета.

– Гостевая спальня сейчас – необходимость, а не роскошь, – улыбаюсь я, набирая с помощью специального шланга ведро воды. Добавляю туда белизну, пятновыводитель и усилитель порошка. Все до кучи! Сначала мою квартиру, а

потом тамбур. Чем там занимается любимец публики, я не знаю. И честно говоря, даже не интересуюсь. И так все понятно. Выпьет чай, сожрет пирожки, а потом засунет нос в холодильник и спросит жалостливо:

– Шакира, а у тебя совсем ничего нет из еды?

Я прекрасно знаю эти фокусы, поэтому не ведусь. Молча драю стены и пол, да еще себя нахваливаю.

– Кто молодец? Я молодец, – напеваю вполголоса, вспоминая, как все-таки решилась на дорожные моющиеся обои в прихожей и венецианскую штукатурку в тамбуре. Зато теперь тряпочкой провел, и вуаля! Даже намека нет, что здесь резали поросенка.

– Тебя, наверное, завтра в ментовку вызовут, – замечаю я негромко, вернувшись в кухню.

– Зачем? – искренне удивляется Леха, доедая последний пирожок. Перехватывает мой взгляд и начинает каяться: – Кира, прости! Хочешь, давай еды закажем, а? У тебя все равно в холодильнике пусто. Я посмотрел. Дай телефон, закажу.

– Я собираюсь спать, Леша, – заявляю я негромко, но твердо.

– Поедим, поболтаем, а? Сто лет не виделись, Кира, – прижав к себе больную руку, с жаром восклицает Воскобойников.

– Мне завтра на работу, – замечаю я нейтрально, всем своим видом давая понять, что встречи одноклассников в ночи – не моя стихия.

– Как скажешь, – разводит руками Лешка, обиравшись на полное пренебрежение к его персоне. Он тут же морщится от боли. – Обезболивающее есть, Мансурова? – прижимает руку к груди.

– Конечно, – киваю я и бегом несусь за аптечкой.

«Вот же дура, – тихо бурчу, внезапно остановившись, и обратно возвращаюсь степенным шагом. Протягиваю средство, купленное прошлым летом в Эмиратах.

– Странное снадобье, – рассматривает флакончик и черные таблетки Воскобойников. – У садоводов на рынке покупала? – интересуется небрежно.

– В аптеке, в отделе ядов, – парирую я. – Держу вот, на всякий случай... Спокойной ночи, Леш, – бросаю я и сворачиваю в коридор. Но не успеваю сделать и шага, как крепкий и властный мужчина догоняет меня и прижимает к стене.

– Мансурова, – бубнит он, поправляя мои выбившиеся русые прядки. – Что же мы наделали, Кира... – жарко шепчет мне на ухо. Проводит ладонью по бедру и застывает, пораженный догадкой. – Твою ж мать, Кира, – восклицает в замешательстве. – Ты без трусов, что ли?

– Вот какое тебе дело, Воскобойников? – устало вздыхаю я, отодвигая локтем незадачливого ухажера. – Я же тебя не спрашиваю, почему ты ходишь с хоботом, хвостом и ушами.

Я осторожно высвобождаюсь из Лешиных объятий и, чувствуя, как последние силы капля за каплей покидают меня, валюсь на кровать. Заснуть не удастся, я это точно знаю.

Приподнимаюсь на локте и внимательно смотрю по сторонам. Вспоминаю, что в письменном столе, стоящем около окна, кажется, валяются пачка сигарет и зажигалка. На негнущихся ногах снова выхожу в прихожую забрать сумку. Краем глаза замечаю Леху, развалившегося на диване перед телевизором. Воскобойников чешет пузо, щелкает пультом, переключая каналы, и кажется довольным жизнью. Слоновья морда и хобот с ушами его никак не смущают, зато выводят из терпения меня.

– На вот, возьми, – приношу разноцветную махровую простыню. – Прикройся...

– А что такое? – противно вскидывается Леха и самодовольно смеется. – Какие-то мысли навевают мои труселя?

– Ничего нового, – усмехаюсь я. – Спокойной ночи, – говорю равнодушно и величественно отступаю в спальню. Валиюсь на кровать, утыкаясь носом в подушку, и уже собираюсь от души пореветь, но тут же понимаю, что ничего не выйдет. Во-первых, из меня слезу не выжмешь, а во-вторых, телефон в сумке начинает кукарекать. Такой рингтон принадлежит только одному человеку – моему шефу. Такой звонок в ночи говорит только об одном. В нашей славной конторе приключилась какая-то ж*па. Потянувшись за сумкой, я выуживаю сотовый с самого ее дна, в который раз мысленно матеря себя за бардак.

– Да, Анатолий Иванович, – бодро заявляю я, откинувшись на подушки, и внутренне готова к новым неприятно-

стям, уже как снежный ком валящимся на мою голову.

– А что у нас с проектом для Пирогова? – рычит в трубку шеф. – Я же тебя просил заняться побыстрее...

– Уже в работе, – вру безбожно. – Завтра с утра покажу наброски.

– Это хорошо, – сменяет гнев на милость Анатолий. – В девять на планерке посмотрю. Покумекаем, что еще можно добавить... А сам Пирогов к двенадцати заявится. Вот не терпится человеку. Но ты у меня молоток, Мансурова. Или как сейчас говорят?

– Понятия не имею, – тихо бурчу я, стараясь поскорее закончить разговор и сесть за работу. Ночь предстоит бессонная, и я в этом не сомневаюсь.

– Лампово, – хохочет старый хрыч.

Анатолию хорошо за шестьдесят, в своем деле он – гений, и, работая с ним бок о бок уже лет семь, я до сих пор многому учусь. Но как же я ненавижу его любовь к молодежному сленгу. Каждое новое выражение он записывает в особую тетрадочку. Потом забывает и переспрашивает. Вот как сейчас. А я злюсь и искренне не понимаю, почему тефтели должны называться митболами, а женщина средних лет – милфой?

Я снова заглядываю в экран телефона. Двадцать три сорок пять.

«Часов до пяти можно поработать и часика два поспать, – решаю я, подскакивая с кровати и включая ноутбук. – Пиро-

гов, вот что тебе нейдет? – мысленно обращаюсь я к местному денежному мешку. – Лучше женой займись, а то она у тебя все по студентам шарахается. Совсем от рук отбилась!»

Открыв почту и найдя там письмо от Анатоля, я читаю и вновь перечитываю требования Пирогова. А затем исполняю их в точности.

«Две параллельные прямые должны пересечься? Да не вопрос», – фыркаю я, делая эскизы рекламной кампании. Все равно, это все полетит в корзинку, а сам Пирогов начнет орать гадости, обвиняя нас в непрофессионализме. Но в своем деле я лучшая, поэтому он и пришел ко мне. Они все приходят. Сначала покричат как резаные, а потом, утихнув, начинают есть с рук. Я даже не задумываюсь, что я могу ошибаться. Да и после воцарения Лешки у меня в квартире я что-то плохо соображаю, но делаю в программе наброски и придумываю слоганы, прославляющие чудо-кастрюли, выпускаемые Пироговским заводом. За кухонным скарбом подтянутся карамельки его кондитерской фабрики, а за ними и парк аттракционов, открытый в области на имя жены. За работой я на время забываю о своем госте и, только когда за дверью слышу хорошо поставленный голос Воскобойникова, настороженно прислушиваюсь. Мой ушастый друг топает из комнаты в комнату и что-то декламирует. Ночью в квартире тихо, дикция у Лехи отличная, и я различаю каждое слово:

– ... Что кажется и может быть игрою; То, что во мне,

правдивей, чем игра; А это все – наряд и мишура.

«Гамлет, что ли?» – морщусь я. Представляю Лехеса, разгуливающего по квартире.

– Офигеть, – шепотом твержу я и, не отрываясь от экрана, закрепляю слои изображений и сохраняю сделанную работу на флешку.

«Завтра будет что показать», – довольно усмехаюсь я, направляясь к постели, но, прежде чем лечь, подхожу к двери и, слегка приоткрыв ее, выглядываю в коридор. Уж больно хочется посмотреть, как человек с хоботом и слоновьими ушами в паху читает Шекспира.

Глава 3

Леша

За два месяца до описываемых событий

– Ты в курсе, – вальяжно развалившись в кресле, говорит Ромка, мой старший брат, – восемьдесят процентов недвижимости, покупаемой для любовниц, клиенты оформляют на себя?

Брат лениво тянется к чашке с давно остывшим кофе, делает маленький глоток и морщится.

– Марина Федоровна, – басит он, сняв трубку. – Еще кофе, пожалуйста.

Он потягивается в кресле, и через тонкую ткань рубашки проступает мощная мускулатура. Я наблюдаю за поднимающейся на вдохе грудной клеткой и понимаю, что выгляжу примерно так же. Высокий рост, как у гренадера, широкие плечи и ежик светло-русых волос. Точная моя копия более раннего выпуска. Лет так на семь.

– Оформлю на себя, – отмахиваюсь я. – Симоне все равно, лишь бы вместе. Но дальше этот дурдом продолжаться не может, – тяжело вздыхаю я, вспоминая недовольные лица матери и сестер. У них, естественно, своя насыщенная жизнь. Де-

ти, мужа, работа... Но они с завидным постоянством продолжают лезть в мою. Все четверо. И если маме еще можно что-то втолковать, то сестры непоколебимы.

– Не такая, – выносят вердикт в первый же вечер знакомства и дружно начинают собирать компромат. НКВД, блин! Нина, Ксения, Вера и Дана...

– Наши уже познакомились с Симоной, малыш? – недобро ухмыляется брат. Ромку, как самого старшего, наши родственницы предпочитают не трогать. Но даже если кому-то придет в голову влезть в его личную жизнь, ответка прилетает незамедлительно. Бро резко ограничивает ежемесячные выплаты и терпеливо ждет, когда до сестер дойдет. В его случае помогает. В моем – ситуация безвыходная.

– Нет, – не сдержавшись, рыкаю я. – На свадьбе встретятся. Мне надоело всех мирить, понимаешь? Я влюбился в Мону как пацан. И не хочу ее потерять из-за выходок сестер. А следующие полгода у меня самые тяжелые. В новом фильме я выступаю режиссером и автором сценария. Мне важно, чтобы сейчас, когда многое поставлено на карту, меня ничего не отвлекало. Вот я и решил купить хату. Нашим, естественно, говорить об этом не собираюсь, а то идея потеряет весь смысл. Будем спокойно жить вместе с Моной. Я – писать сценарий, она – сниматься в рекламе...

– А НКВД что скажешь? Уехал в командировку? – криво усмехается брат.

– Легенда такая: я живу на даче в Перловке, творю нетлен-

ку. Приезжать можно изредка и только по особому распоряжению...

– У баб прям нюх на подобную лажу, – морщится брат, – заявятся раз без звонка, глянут пристально, допросят прислугу... Не вариант, Леха!

– Мне плевать, – ворчу я, откинув голову на спинку кресла. – Гастроли, командировки, вечера встреч по всей стране... Я нигде не могу от них избавиться. Только пока в сортир хожу самостоятельно. Дана или Вера обязательно прутся со мной. Одна лишь польза – отгоняют поклонниц лучше любого секьюрити.

– Какую квартиру желаешь приобрести? – интересуется брат, владеющий самой большой риелторской компанией в городе. – Что-то уже решил?

– Конечно, – киваю я, осознав, что только через полчаса болтовни мы, наконец, подошли к цели беседы. – Первоначальные параметры такие, – потеряв лицо, начинаю я. – Трехкомнатная квартира в самом центре. Какая-нибудь новостройка в тихом дворе. Подземная парковка и охраняемая территория. Если за окном я увижу роскошный вид, пруд с лебедями, парк или хотя бы сквер, возьму сразу же...

– Пентхаус не хочешь?

– Верхний этаж, бро, – морщусь я. – То воды нет, то света, то лифт не работает. Пока устроит демократичная трешка. А когда Моночка забеременеет, переедем в Перловку. У меня недвижимости и так как у дурня фантиков. Этот ва-

риант рассматриваю как временное пристанище. Потом буду сдавать в аренду или продам... Поэтому хата изначально должна быть ликвидной и лишенной всяких рисков. Никаких прописанных бабушек, малолетних детей или пустующих пятен рядом, а то построят тюрьму или больницу скорой помощи.

– В самом центре? Где земля на вес золота? – ехидно уточняет Ромка и, поведя мышью, задумчиво смотрит в экран. – Есть срочная продажа, Леха. Под твои условия подходит идеально, только подземной парковки нет. А так все совпадает. Вот смотри, – Ромка тыкает пальцем в айфон, и тут же на огромной плазме, висящей напротив меня и транслирующей гонки «Формулы-1», загорается карта города. – Вот здесь, – брат обводит электронной указкой пересечение двух центральных улиц. – От перекрестка Ленина и Адмиральской пять минуты ходьбы. Дом новый, три года как построили. Паркинга нет, – повторяет брат, хитро прищурившись, – но рядом торговый центр «Лиана». Всегда можно уйти от хвоста или назначить встречу в кафе.

– Не мой случай, – мотаю я башкой. – Меня там собьют с ног обалделые фанатки...

– Трудно быть звездой, – саркастически ухмыляется брат и деловито интересуется: – Ну что, берем?

– Конечно, – тут же соглашаюсь я. – Сходи сам, посмотри... Если все понравится, тогда покупаем.

– Мы можем хоть сейчас прогуляться, – предлагает брат. –

Тут минут пятнадцать ходьбы. – И под мой негодующий взгляд добавляет: – Бейсболку надвинешь на глаза, никто не узнает.

Я не успеваю согласиться, когда в кабинет с подносом плывет Ромкина секретарша. Чинно расставляет новые чашки с дымящимся напитком и деловито забирает старые. Шепчет негромко шефу:

– Роман Николаевич, там Климов ждет. Примете?

– Конечно, – кивает брат. А я гляжу на него с нетерпением школяра.

– Ты думаешь, твоя служба безопасности что-то накопила?

– Ну, если просится, когда ты здесь, – бурчит брат, – то, скорее всего, да. И когда в кабинет, серьезно насупившись, входит невысокий грузный мужчина, мы с Ромкой радостно переглядываемся.

– Нам удалось выйти на след, – солидно бубнит Климов, – во всяком случае, точно известны настоящие фамилия и имя врага.

– Мы вас слушаем, Юрий Иванович, – стараясь сохранять спокойствие, говорю я. Но, видит бог, мне трудно усидеть на месте и не вырвать дурацкую черную папку из рук Климова.

Как только моя карьера пошла вверх и каждая собака на улице узнала мою твердую походку, в интернете начались странные публикации. Некая сумасшедшая блогерка, Дерзкая Анжелика, возомнила себя рупором совести и при каж-

дом удобном случае поливала меня грязью. И если раньше я отмахивался и не обращал внимания, то с годами дело приобрело нехороший размах. Эта гадина объявила себя чуть ли не звездой и главным блогером Инстаграма и поставила на поток сбор компромата. Обо мне, других знаменитостях и даже сильных мира сего стали появляться отвратительные истории. Девяносто процентов правды и десять глупых суждений, выставляющих героев постов полными недоумками. Мне сначала казалось, что за человеком, решившим походить по лезвию остро наточенного ножа, обязательно стоит какая-то сила. Кто-то должен прикрывать тылы, обеспечивая защиту. И, честно говоря, я начал искать не с того конца, решив сперва выяснить, кто из моих недругов стоит за этой особой. Но, как мы ни бились с братом, ничего узнать не удалось. Секретный аккаунт. За компромат – а мы с братом попробовали поймать рыбку на живца – оплата пришла с ПэйПэла. Круг замкнулся, но я точно знал, что за этим блоггом стоит кто-то близкий. Обиженный или оскорбленный мною человек. Но, как ни крути, вычислить мстителя с этой стороны вообще дохлый номер. По пути к славе я многим наступил на больные мозоли. Особо по головам не шел, но несколько шей для трамплина использовал. И плевать, что там кто думает. Сейчас главное – найти, кто шкарябает обо мне мерзкие статейки, и пригрозить. Наши с братом юристы и мой агент в один голос твердят, что обращаться в суд – дело бессмысленное. Известный фактт: в «Рупоре Дерзкой

Анжелики» не публикуются неподтвержденные факты. Каждый мой поход в ночной клуб, мальчишники близких друзей, поездки на Мальдивы или в Куршавель, все освещалось в дурацком блоге. Факты подтасовывались, а фразы строились настолько двусмысленно и витиевато, что каждому прочитавшему мерещилось самое плохое. Оставалось лишь надеяться на удачу, ждать когда хозяйка Рупора потеряет бдительность, поймать ее и лично вытрусить всю дурь...

– Мы немного продвинулись в расследовании, – бубнит Климов. – Удалось узнать имя владельца блога и его ай-пи. Но боюсь, на этом все, – разводит он руками, – тупик, господа.

– Зная настоящую фамилию и ай-пи, мы не сможем вычислить гада? – сомневается в словах безопасника Роман. – Теперь как два пальца... – зло рычит он. – Лично раздавлю гниду!

– Оставь мне, – небрежно бросаю я и добавляю с усмешкой: – Отдам на растерзание поклонникам.

– Бесполезно, – мотает головой Климов. – Нужно искать способ выманить эту тварь из норы.

– Ничего не понимаю, – удивляется брат. – Мы можем установить слежку за этим субъектом и подставить любым из известных методов. Он или она могут сбить человека, или в машине найдутся наркотики. В конце концов, в квартиру по соседству заедут гопники, а в рядом стоящем доме поселится цыганский табор.

– Кто это, Юрий Иванович? – морщусь я от слов брата, но в общем и целом согласен с ним. Любому из нас за глаза хватит административного ресурса, чтобы превратить жизнь врага в ад. И для этого не обязательно обращаться к криминалу, хотя среди моих почитателей имеется парочка авторитетов. Но незаконные методы с моей-то славой дадут обратный эффект. Но я, как человек искусства, подойду к делу творчески. Клянусь!

– Настоящие имя и фамилия блогера – поморщившись, сообщает Климов, – Дерзкая Анжелика Альфредовна, ... года рождения, проживает по адресу: Мурманск, ...

Ромка вбивает в поисковую город и адрес, затем переводит карту в режим спутника, и мы все вместе обалдело пялимся на огромный участок, заваленный мусором.

– Городская свалка, – кивает Климов.

– Интересный поворот, – рычит брат. – А что с ай-пи? Его-то никак не скроешь!

– Зарегистрирован в Дубае, – натужно вздыхает безопасник, – я и говорю, что тупик.

– Адрес проверили? Если это какой-то отель или съемная вилла, нам не составит труда найти червяка, как бы он ни законопатился.

– Я тут посоветовался кое с кем из Интерпола, – бурчит Климов, намекая на свою бывшую генеральскую должность, – точно определить невозможно, но судя по адресу – это Марина Бэй, частная вилла. Никогда не сдавалась

и не сдается. Узнать конечного собственника не представляется возможным. Вилла принадлежит группе компаний «Ландгрем». Зарегистрирована в Дубае. Занимается строительством. Больше ничего не известно.

– Обычная практика, – неохотно кивает Ромка, – скоро и мы к этому придем.

Я вполуха слушаю рассуждения брата и его зама по безопасности, прихлебываю кофе и бездумно пялюсь на карту. Я обожаю это состояние, когда в башке происходит некая перезагрузка и из глубины воспоминаний всплывает нужная информация.

Дерзкая Анжелика!

«И почему я не подумал об этом раньше?» – удивляюсь я, чувствуя, тот самый восхитительный момент, когда в башку приходит ответ. И будто со стороны вижу небольшую комнату в хрущевке, двух юных любовников, лежащих в обнимку и болтающих чепуху. Ощущаю, как по моей груди снова скользит тонкий девичий пальчик, слегка царапая ноготком. Слышу веселый голос и звонкий смех.

– ... моя Анжелка выходит замуж за американца, представляешь? Была Дерзкая, а станет Ретмен.

– Человек-крыса? – хохочу я, обнимая девчонку. – Пусть лучше остается Дерзкой. Вон как звучит! Дерзкая Анжелика!

– Она уезжает к мужу в Париж. – Пальчик замирает у меня на груди, а в голосе неожиданно проскакивают печальные

нотки.

– Не грусти, – целую я любимую. – Париж или Мурманск? Все равно далеко от нас. Вы хоть в реале виделись?

– Ну конечно, – кивает она, – мы же двоюродные сестры!

– А почему она едет в Париж, если муж американец? – от нечего делать спрашиваю я, а сам легонько щекочу хрупкие девичьи ребра. Моя подружка хихикает и шутливо кусает меня за плечо. Мы снова начинаем возиться перед следующей любовной схваткой.

– Кэрри – американец, – выдыхает моя любимая, царапая мне спину, – но он известный архитектор и строит дома по всему миру.

– На свадьбу поедешь? – улыбаюсь я, накручивая на палец русую кудрявую прядку.

– Конечно, – с восторгом восклицает она, – я же подружка невесты... Поедем вместе? – предлагает с жаром.

– Не могу, – мотаю головой я, испытывая самое неподдельное горе. – У меня прослушивания...

Зеленые озорные глаза на миг грустнеют.

– Скоро мы расстанемся, – говорит их хозяйка.

«Как ее звали? – спрашиваю я и тут же одергиваю сам себя. – Кому я вру? Имя своей первой женщины я запомнил навсегда».

– О чем задумался, Леша? – Брат смотрит на меня подозрительно, зная о моих способностях и феноменальной па-

мяти. – Надумал что-то?

Я скупно киваю, не желая вдаваться в подробности при постороннем.

– Да, Юрий Иванович, – будто вспомнив о важном, дает поручение Ромка. – Срочный вопрос. Нужен список жильцов дома номер восемь по адресу... Нет ли там кого подозрительного. Особенно обратите внимание на пятую и седьмую квартиры.

– Сейчас пробьём, – становится наизготовку Климов.

И как только за ним закрывается дверь, брат выжидательно смотрит на меня.

– Ну, кто? Кто? Говори, – поторапливает нетерпеливо.

– Шакира Мансурова, – выдавливаю имя, которое запретил себе произносить даже мысленно.

– М-да-а, – не удержавшись, мычит брат и, на минуту задумавшись, добавляет: – Имеет полное право, Леха.

– Согласен, – киваю я. – Если за этой дурацкой выходкой стоит моя Кира, я спущу дело на тормозах. Коли эта глупая писанина доставляет ей удовольствие, я не против. Пусть развлекается, – стараясь казаться равнодушным, разрешаю я. – Только попроси Климова пробьёт по ней информацию. Хочу знать все. Адрес, семейное положение, место работы и даже форму интимной стрижки.

– Раньше был тележурнал «Хочу все знать», – фыркает Ромка, – обратиться на телевидение. Они помогут...

– Не хочу, – криво усмехаюсь я. – Дай задание Климову,

вроде из моей части прибыли ему тоже перепадает на зарплату...

– Да не вопрос, – корчит мне противную рожицу брат и, позвонив главному безопаснику, дает новое задание. Тот срабатывает быстро. Перезвонив через пять минут, что-то быстро диктует. А мой старший брат, схватив карандаш, сразу записывает, затем толкает листок ко мне. Я обалдело смотрю на сиреневый клочок бумаги, где Ромкиным убористым почерком выведены косые строчки:

«Шакира Мансурова, арт-директор компании «Дизайн – ФМ», проживает по адресу: Адмиральская, восемь, квартира пять».

«Пасьянс сошелся», – криво усмехаюсь я и, подняв глаза на брата, встречаю хмурый напряженный взгляд.

– Я так полагаю, – шипит Ромка, – квартира на Адмиральской отпадает? Придется искать другой вариант.

– Нет, – усмехаюсь я довольно. – Покупаем именно ее. Похоже, это единственный способ прекратить безумные публикации. Когда человек далеко, ты не воспринимаешь его как настоящего, а вот когда он живет по соседству, крайне сложно писать о нем гадости...

– Знаток человеческих душ, – ехидно фыркает Ромка.

– Профдеформация, – кисло соглашаюсь я.

– Мне не нравится эта затея, – серьезно предупреждает брат. – Если ситуация выйдет из-под контроля, я обращусь куда следует...

– Если за «Рупором Дерзкой Анжелики» действительно стоит Шакира Мансурова, то маме и сестрам можно только посочувствовать. Она их сожрет и не заметит. Моя бывшая нарастила клыки и когти и способна за себя постоять... Просто удивительно, что она еще ничего не написала про них.

– Наверное, боялась разоблачения, – пожимает плечами брат и кивает на прощание.

«Шакира», – незаметно вздыхаю я и, опустив на глаза козырек бейсболки, вхожу в просторный лифт. Сразу отворачиваюсь к дверям, став спиной к любопытной публике. Слушу сзади перешептывания, так давно надоевшие мне.

– Я тебе говорю, это Воскобойников...

– Да нет же...

Не обращаю внимания на глупых хихикающих гусынь и стараюсь полностью сосредоточиться на своих проблемах.

«Мама с сестрами, Симона и Шакира... Какой-то треугольник получается. Бермудский, блин!» – в сердцах думаю я и сам удивляюсь, когда в голову приходит совершенно фантастическая идея.

Глава 4

Леша

Утром я просыпаюсь от дразнящего запаха жареного мяса и, вытаращив глаза, не сразу понимаю, где нахожусь. Моментально в памяти всплывает дурацкая ссора с Симоной. Она хлопает стеклянной дверью прямо перед моим носом. Раздается треск, и тонкие прозрачные осколки дождем сыплются на пол. Я успеваю отскочить в сторону, когда большой осколок падает прямо на меня, впивается в предплечье, разрезая плоть. Эта дура Симона, чуть не заполучившая от меня обручальное колечко, вопит от страха, а мне ничего другого не остается, как вломиться в квартиру к Кире Мансуровой. И в который раз подивиться выдержке бывшей подружки. Шакира! Эта женщина до сих пор поражает мое воображение. Иногда даже снится ночами, не отпускает. Боевая, настойчивая, дерзкая!

Улыбаясь, я вспоминаю ее хитрый взгляд, когда, неспешно повернув голову со второй парты, Шакира Мансурова косилась в сторону соседнего ряда, где на третьей парте сидели мы с Гришкой Булавиным. Глупый мальчишка, я, не отрываясь, смотрел, как колышутся белые бантики, высоко за-

вязанные на Киркиной башке, будто хищник, наблюдал, как медленно, почти незаметно поворачивается ко мне Шакира. И как только кончик носа появлялся в пределах видимости, быстро опускал глаза в тетрадь. Я влюбился в Мансурову в первом классе и почти все школьные годы искренне считал, что женюсь именно на ней. Но со временем каждый из нас понял, что разрыва не миновать. Дорожки у нас разные. Шакира уехала в Мурманск на свадьбу к сестре и первое время звонила мне, вот только я, поступив во ВГИК, решил ей не отвечать. Новые друзья и подружки. Какие-то постоянные сборища, разговоры о прекрасном, когда наивные первокурсники чувствуют себя взрослыми и ужасно умными. А Кира что? Резкая, порывистая и очень веселая. Но даже «Сталкера» Тарковского не удосужилась посмотреть, посчитав фильм нудным, а режиссера – идиотом. Школьная любовь. Пройденный этап!

Да и мать с сестрами тогда все уши прожужжали.

– Она тебе не пара, – орали наперебой. Все боялись нашей скороспелой свадьбы.

«А кто пара? Пластмассовая лошадь Симона? Или подобные ей Насти – Оли – Даши?» – морщусь я и, с трудом накинув положенный на стул махровый халат, выхожу из комнаты. Как крыса за дудочкой, бреду на манящий запах. А войдя в кухню, изумленно смотрю на полную женщину в розовом спортивном костюме и с высоким, выкрашенным пергидролем хвостом.

Она стоит около плиты и мастерски переворачивает на сковороде котлетки.

– А где Кира? – изумленно плююсь я на странную тетку.

– Кирочка давно на работе. Вот велела вас сытным завтраком покормить... Умывайтесь и за стол, – улыбается она.

– Мне бы позвонить, – бурчу я, косясь на часы. Половина одиннадцатого. Ромка – мой старший брат – наверное, в офисе, а мои полоумные родственницы скорее всего уже стоят на ушах.

– Туалет дальше по коридору, – беспечно машет рукой Кирина домработница. Я опаливаю ее негодующим взглядом. – Вам телефон нужен? – уточняет мадам и показывает в сторону подоконника. А там, на маленькой базе, покоится трубочка Панасоника. И как я не заметил его вчера!

– Привет, бро, – бурчу я, выходя в коридор. – Можешь забрать меня с Адмиральской?

– Твою мать, Леха! – рычит в трубку брат. – Где тебя черти носят? Тут дурдом творится. Матери скорую вызывали!

– Я – взрослый мальчик, Ром, – замечаю раздраженно. – И если одну ночь не ночевал дома, это не повод объявлять тревогу.

– Маме позвонила Елена Васильевна. Говорит, ты забыл у нее лист назначений. Ну и доложила о твоём ранении... Маман запаниковала. Ей же много не надо. Стала тебя искать. Подключились сестры, потом моя служба безопасности, полиция, твой агент и кое-кто из труппы... Названивали Си-

моне. У нее сотовый отключен. Блин, Леха, я даже не додумался проверить Адмиральскую. Что-то совсем из башки вылетело...

– Возьми ключи от квартиры, – рычу я, собираясь разнести в пух и прах всю свою семейку, – и приходи за мной.

– Хорошо, малыш, – недовольно бросает брат, поняв, что опасность миновала. Я жив и здоров, а значит, можно отвести подзатыльник. Закон старших братьев, блин! А вот мне не повезло. Угораздило родиться самым младшим в большой и дружной семейке.

– Можешь прислать кого-нибудь с ключами? – морщусь я. – Дверь в квартиру захлопнулась, и мне пришлось ночевать у Шакиры.

– Ах, вот оно что! – ржет Ромка и добавляет непререкаемым тоном: – Нет, дорогой, не надейся! Я сейчас отменю совещание, к едреной фене, и приду сам. Хочу лично на все посмотреть.

– Отвали, придурок, – по ошибке бубню я, а сам мысленно благодарю Ромку за то, что он есть у меня. Надежный и классный брат. Лучший в мире! Сестры тоже хорошие, но, несмотря на мои тридцать два года, постоянно лезут в мою жизнь. Ну и помогают, конечно. Особенно сейчас, когда я нахожусь на пике популярности. Фильмы с моим участием сразу выходят в лидеры кинопроката, а на спектаклях всегда аншлаг. Но в театре я играю мало, одна-две постановки в год. Съемки в кино отнимают у меня все время и изматывают до

предела.

«Может быть, поэтому я беззастенчиво пользуюсь сестрами, а взамен за заботу позволяю лезть к себе?» – думаю я и, заслышав, как в двери тамбура поворачивается ключ, здоровой рукой пытаюсь открыть Киркин замок.

– Твою мать, – с порога ругается старший брат, как только видит мою забинтованную до плеча руку. – Ты как с фронта, Леха! – смотрит на меня строго.

– Всего хорошего, – бросаю я напоследок Кириной домработнице, вышедшей в коридор. А зайдя в свою квартиру, прошу:

– Помоги одеться, бро. Из-за идиотки Симоны мне теперь придется надиктовывать сценарий...

– Полагаю, о свадьбе речь не идет? – криво усмехается брат.

– Какая свадьба, бро? – вскидываю я бровь и с помощью Ромки надеваю штаны и рубашку. – Из-за этой дуры я поранил руку и чуть не истек кровью. А она испугалась, блин! И сбежала!

– И кто же тебя вынес с поля боя? Шакира? – ехидно осведомляется брат и добавляет деловито: – Носки сам наденешь? Или помочь?

– Сам, – морщусь я и тут вспоминаю про дурацкие трусы со слоником. Хорошо, хоть Ромка не обратил на них внимания.

– Уши топорщатся, и хвост выпирает, – словно прочитав

мои мысли, оглядывает меня брат и ноет, как в детстве: – Все сначала, твою мать!

Я стаскиваю с себя тонкие летние брюки от Бриони и несусь в спальню за обычными трусами. Стягиваю дурацкого слоника и тут же вспоминаю, как баловались с Симоной. Кажется, я танцевал перед нею стриптиз, пока мне не позвонил агент. И за время долгого выматывающего разговора я совершенно забыл, что вообще на мне надето. А когда в дверь затарабанила Кира, даже не подумал переодеться.

– Скоро твои очешуительные фотки появятся в блоге у Дерзкой Анжелики, – кривится брат, когда, одевшись, я лезу в айфон.

– Не думаю, – бросаю отрывисто. – Она умная, так просто не спалится. За эти годы никто не догадался...

– Ты у меня, конечно, гений, бро, – довольно хмыкает Ромка, – но люди могут пойти совершенно другим путем и вычислить твою красотку...

– Плевать, – раздраженно бурчу я, заглядывая в айфон. И чертыхаясь, смотрю список пропущенных вызовов, неотвеченных сообщений в Ватсапе и в Телеграме. Сообщения от родственников я просто пролистываю. Там и так все понятно. А вот агенту стоит ответить, впрочем, и режиссеру моего нового фильма тоже.

Когда я заканчиваю с разговорами, лицо моего брата становится непроницаемо спокойным. А это само по себе не предвещает ничего хорошего. Вдарит или пошлет подальше,

за ним не заржавеет.

– Поедем, – замечаю я как можно более мирно. – У тебя дел, небось, невоворот...

– Я привык, – мрачно кивает Ромка, – с тех пор, как у нас в семье родился Лешенька, мои дела отошли на второй план.

– Обойдусь сам, – рыкаю я. – Сейчас вызову такси...

– Едем, – кривится старший брат. – Отвезу тебя домой к мамочке...

– Да иди ты, – отмахиваюсь я. – У меня сегодня онлайн-встреча с актерами нового фильма. Я займу переговорную...

– Тогда идем на работу, – командует Ромка.

– Мне цветы нужно купить, – добавляю я небрежно, когда мы, пересекая небольшую площадь около торгового центра, выходим на Ленина. Уже издалека виднеется огромный бизнес-центр, построенный братом. Пять этажей отдано под офисы его собственных компаний, а остальные три сдаются в аренду. На первом тоже арендаторы – пара ресторанов, магазины и офис туристического агентства.

– Кому? Шакире? – отрывисто спрашивает брат. – Марине поручи, она оформит доставку.

– Нет, – мотаю головой, – заеду лично. Так правильней...

– Вот-вот, – кивает Ромка, – заодно скажи этой балбеске, чтобы не связывалась с Пироговым. Он любого с землей сожрет, кто вздумает лишь косо посмотреть на его Лизоньку. А тут целый пост, да еще и с фотографиями...

– Где? Покажи! – останавливаюсь я посреди улицы и с изумлением пялюсь в экран айфона последней модели. Лиза Пирогова и какой-то сосунок... Ну дела! – Подожди, – прошу я Ромку, решившего спрятать телефон в карман джинсов. – Когда выложен пост?

– Вчера вечером, в половине десятого, – шурится брат, чтобы рассмотреть мелкие, едва заметные цифры.

– Шакира была со мной в больнице и уж в это время никак не могла ничего опубликовать. Может, я ошибся и за блогом стоит не она?

– А фиг его знает, – передергивает плечами брат и, поднимаясь на крыльцо своего роскошного дворца, добавляет, поморщившись: – Пировов все раскопает. В этом-то и проблема, понимаешь?

«Конечно!» – хочется заорать мне и тут же мчаться через весь город к Кире, или где она там работает.

– Если она замешана, то я ей не завидую, – добавляет Ромка значительно и, когда мы заходим в лифт, кивает на маленькую табличку, притороченную к списку этажей напротив цифры 8. «Дизайн ФМ». Даже ехать никуда не надо.

– Совещание проведу с группой и зайду, – бурчу я и, проходя мимо секретаря, прошу оформить доставку цветов тремя этажами выше.

– Большой букет роз, пожалуйста!

– Записку к цветам приложить? – деловито спрашивает Марина Федоровна и жалостливо оглядывает мою забинто-

ванную руку.

– Обязательно, – киваю я. – Подпишите...

Я задумываюсь лишь на минуту. Мысленно перебираю цитаты классиков. «Любовью все покупается, все спасается» из Достоевского? Или лучше «Тот, кто спасает одну жизнь, тот спасает весь мир» из «Списка Шиндлера» Томаса Кенилли? Все не то... Кажется, Бродский что-то говорил похожее на вручении Нобелевской премии», – морщусь я и, решившись, заявляю:

– На дорогой бумаге, желательно перламутровой, следует написать: «Случилось чудо! Друг спас жизнь друга!».

– И все? – изумляется Марина. – А подпись?

– Там поймут, – хмыкаю я, удаляясь в переговорную. До часа икс, когда вся наша творческая компашка вываливается в онлайн, остается еще несколько минут. И я, подключившись к чату, захожу в Инстаграм. Сразу открываю скандальный пост про Лизу Пировову и от нечего делать читаю комменты. Кто-то осуждает ее, кто-то возмущается разницей в возрасте любовников, но находятся и такие, кто открыто смеется над Игорем. Самоубийцы! Я еще раз внимательно смотрю на время публикации. Напрягаю память, пытаюсь сообразить, где была в этот момент Кира? Я ошибся, говоря Ромке про больницу. В половине десятого мы уже вернулись обратно. И Кира, вооружившись ведром и тряпкой, отмывала следы Мамаева побоища. А учитывая, что таймера в Инстаграме нет, то блогем заведует кто-то другой. И вполне

возможно, сама Кира вообще не при делах...

Постепенно, друг за другом на экране появляется моя команда. Каждый интересуется, что у меня с рукой, и лишь одна Танечка Афанасьева с улыбочкой спрашивает, снимаем ли мы психологический триллер или я решил добавить в сценарий немного экшена.

– Приключений мне и в жизни хватает, – улыбаюсь я, с интересом разглядывая Танечку. Красивая баба. Но красота эта рафинированная и бездушная.

«Какой прок от надменной и безбожной красоты?» – писал когда-то Пришвин, и по большому счету я с ним согласен. Но, честно говоря, меня тянет именно на таких баб. С ними проще, чем с живой и обаятельной Шакирой Мансуровой. От одной только мысли о Кире я чувствую резкое желание увидеть ее. Намотать на палец русые непокорные волосы, как когда-то в юности, уткнуться в макушку носом... Танечка что-то говорит, пожирая меня взглядом.

«Раз мы с ней играем главные роли, придется переспать», – с неохотой думаю я.

Основной костяк давно подобран. Вернее, сценарий пишется под нашу шайку-лейку. Помните, как у Рязанова или Захарова? Одни и те же артисты кочевали из фильма в фильм... Вот и мы с режиссером Васей Самойловым, моим старым институтским другом, задумали сделать так же. Естественно, свежей струей добавятся актеры второго плана и незначительные персонажи, но это как специи к основно-

му блюду.

– Ладно, народ, – улыбаюсь я коллегам и единомышленникам. – У меня в сценарии вырисовывается настоящий злодей. Такой, без тормозов. Кого позовем на эту роль? Подумайте до завтра...

– А этот злодей? – вскидывает голубые глазки Танечка. – У меня с ним будут сцены?

– Ага! – ржет Витька Мерцхали. – Обязательно! Он тебя к батарее прикует и трахнет! Леха, включи сцену!

– У нас возрастной рейтинг шестнадцать плюс, – весело отмахиваюсь я, глядя на Танечку многообещающим взглядом.

– То есть пугать можно, а любить нельзя? – хохочут Витька с Самойловым.

– Ладно, народ, – устало замечаю я. – Я тут на обезболивающих. Поеду домой, посплю. А то вместо триллера получите какое-нибудь сраное фэнтези... – треплюсь я как ни в чем не бывало и внезапно ощущаю, как беспокойство стягивает обручем душу. Не знаю, почему и зачем, но я должен срочно повидать Шакиру – мать ее – Мансурову.

– Для сказки, Леха, у нас все готово. Танька – принцесса, ты – принц. Даже без парика сыграешь, – смеется Вася, кивая на мои длинные патлы. – Витька – волшебник. Только Баба-яга нужна. Очаровательная и лохматая...

– Найдется такая, – улыбаюсь я, думая о Мансуровой. Отличный вариант, кстати! Голос есть, фактура чудесная...

– Наглотаешься таблеток и напишешь, – весело добавляет Витька. – Сказки хорошо идут.

– А что ты пьешь, Лешенька? – подает голос мой директор Оксана Валерьевна. Обычно она молчит и что-то записывает в блокнотик. И хоть говорят, что незаменимых у нас нет, но без Оксаны я бы не справился.

– Забыл название, – морщусь я, – но всю ночь проспал как сурок. Вот только сейчас начинает дергать, – замечаю. Моя команда расценивает мое недовольство как конец беседы. Попрощавшись, я первым выхожу из чата и сам не ведаю, как оказываюсь у лифтов. Будто во сне вызываю кабину. А когда через минуту попадаю на восьмой этаж, быстро вхожу в офис «Дизайн ФМ».

– Мне нужна Мансурова, – строго говорю секретарше, сидящей за высокой стойкой. – Срочно.

– Но у нее совещание, – бормочет она, узнавая, и тут же расплывается в улыбке. – Ой... Я попробую ее вызвать. Но у нас сегодня очень нервный клиент... Не знаю, получится ли?

– Попробуйте, – киваю я и уже собираюсь усесться на салатовый кожаный диван – какая гадость, – когда двери напротив со стуком открываются и из переговорной вываливается Игорь Пирогов, держа за руку перепуганную и бледную Шакиру.

– Оставь ее! – рыкаю я, тут же оказываясь рядом.

– Привет, Леха! – кивает Пирогов, мой преданный фанат. Он обожает фильмы с моим участием. Долго донимал Ром-

ку, пытаюсь познакомиться со мной. В какой-то момент брат сдался, и теперь к каждому празднику Игорь передает моей матери корзину, полную фруктов и сыра. Обязательно кладет в заветный туесок и бутылочку моего любимого кьянти. Короче, мой brutальный поклонник. – Я таки вычислил эту сволочь! – торжественно заявляет он. – Это она – Дерзкая Анжелика! Пишет гадости о нормальных людях и думает остаться при своих бабках. Не выйдет, милая, – криво усмехается он, выкручивая руку Кире.

– Отпусти ее, – команду я, призывая на помощь всю свою решительность. – Это какая-то ошибка, Игорь, – стараюсь говорить убедительно. – Кто-то хочет нас сравнить между собой, – добавляю я вкрадчиво. – Отпусти мою невесту, и поговорим, – прошу настойчиво Пирогова.

– Невесту? – удивляется Игорь и косится на Шакиру, потом на меня. – Вы знакомы?

– С первого класса, – киваю я.

– С детского сада, – встревает Мансурова.

– Точно? – хмуро осведомляется Пирогов и снова подозрительно оглядывает нас. – Тогда почему она про тебя гадости пишет?

– Это не она, – мотаю я головой, призывая весь свой талант в помощь. Нужно обязательно уговорить этого страшного человека. Неизвестно, что он решит, какие меры примет. Говорят, в девяностые неугодные Пирогову людишки пропадали без вести. До сих пор ни одного не нашли.

– У меня точная информация, – бурчит Пирогов и Кирину руку и не думает отпускать.

– Ты не выйдешь из здания, – предупреждаю я, подходя ближе. – Отпусти по-хорошему, Игорь Петрович. Я не позволю тебе увести Шакиру.

И пока мой фанат судорожно соображает, закрывая спиной Мансурову, я звоню брату. Тот влетает на восьмой этаж вместе с охраной и сразу берет быка за рога.

– Какие претензии к нашей Шакире, Петрович? – ощерившись, спрашивает он, делая ударение на слове «нашей».

– Ребята, – пытается втолковать нам Пирогов истину, которую мы и без него знаем. – Я точно заню. Ошибки быть не может.

– Мне положить с прибором, – рычу я, подходя ближе, и просто забираю из рук растерявшегося мафиози Киру Мансурову.

– Испугалась, девочка? – громко шепчу я, прижимая к груди маленькую дрянь. Конечно, испугалась! Глаза распахнуты, лицо бледное...

– Прошу ко мне в кабинет, – настойчиво предлагает Ромка и выразительно смотрит на меня и мою мнимую невесту, переводит сумрачный взгляд на застывшего, будто статуя, Пирогова. – Устроили тут шоу, – кривится он и, улыбаясь, кивает подпирающему дверной косяк старику: – Не беспокойтесь, Анатолий Петрович, все под контролем.

И когда мы с Шакирой, поравнявшись с Романом, прохо-

дим мимо, дергает мою девочку за кудрявую прядку.

– Отвали, Лом, – привычно отмахивается она. Покосившись на Пирогова, я замечаю, как недоверие у него на лице сменяется сомнением. Один короткий жест ставит все на свои места. Любому понятно, что мы втроем давно знакомы и общаемся запанибрата. А значит, к ведению блога Шакира не имеет никакого отношения. Теперь осталось убедить в этом Игоря Петровича и самих себя.

Глава 5

Как ни странно, но презентация Пирогову понравилась. Мне даже казалось, что он не особо смотрел на нее, а больше пялился на меня. То пристально всматривался в лицо. Нагло, до неприличия, то противным липким взглядом ощупывал грудь. Хотелось встать и выйти. Вот только перед этим хорошенько врезать по гладковыбритой обрюзгшей щеке. Или заехать кулаком в маленький свинячий глазик.

«Ты же леди, Шакира», – самой себе напоминаю я и решаю не обращать внимания на странного клиента. Еще по дороге на работу я прочла комменты под блогем. Да и сама подлила масла в огонь с левого аккаунта. Народ зашелся в истерике. А мы с Маликой решили, что это хороший знак. Подписчики прибавляются, популярность растет. А что еще надо двум ехиднам?

Честно говоря, у меня не возникло и тени сомнения, что Пирогов сможет докопаться до истины. Как? К тому же прошло всего часов двенадцать с момента публикации. За это время некоторые соизволят только подняться с постели, переодеть трусы с хоботом, прислать мне в офис огромный веник из роз и записку с цитатой из Карлсона.

«Эх, малыш, малыш, – нехстати вспоминаю я о Воскобойникове. – Мог бы, конечно, и сам заявиться. Поблагодарить лично». Но такова гадская природа богатых и знаменитых.

Когда человек нужен, перед ним можно и козликом поскакать, а как необходимость отпадает, то проще откинуть за ненадобностью в кучу мусора и двигаться дальше. Я особо не льщу себе мыслями о принце на белом скакуне. Сейчас звезда экрана выдыхнется в моей квартире и отправится спасать мир, в который раз позабыв о Шакире Мансуровой.

«Но это и к лучшему, Кира», – думаю я, снова ловя странный взгляд Пирогова. Я, конечно, женщина красивая и все еще свободная, но вот такое пристальное внимание приводит меня в легкую оторопь. Пытаюсь понять, где и когда грубо накосячила. И не нахожу никаких зацепок. С Маликой у нас прямой связи нет. Она давным-давно покинула Россию. Приняв мусульманство, из Анжелики превратилась в Маляк. Но мне привычнее называть ее Маликой или Малявкой. Естественно, можно провести глобальное расследование и связать Анжелику Дерзкую с Маляк Ретмен и потом выйти на меня. Но не за двенадцать же часов!

Пирогов отвлекается на Анатоля, подсовывающего ему дополнительное соглашение к договору, подписывает не глядя, а затем снова ощупывает меня глазками-буравчиками.

«Ну, извините, дорогой товарищ, – хмыкаю я. – Тут вам ничего не обломится. Бодрячки-старички явно не в моем вкусе. И не надо меня уверять, что в постели вы еще ого-го и можете подтянуться на турнике стопятьсот раз! Фоточки вашей жены в неглиже и на коленках у студентика говорят об обратном».

«Осторожнее», – предупреждает меня чуйка, и сам Пиров скорее напоминает хищника, чем поплывшего от желания дедушку. Смотраться бы побыстрее. Общаться с этим типом без свидетелей мне совершенно не хочется. Но как только я поднимаюсь из-за стола, Игорь Петрович подсказывает и, схватив меня за руку, тянет к себе.

– Иди сюда, голубушка. Поговорим, – рычит угрожающе.

– Что вы позволяете? – пытаюсь вывернуться я из мощного захвата.

– Э-э, Игорь, – блеет сзади Анатолий и даже не думает позвать охрану. Так боится потерять клиента, сволочь.

– Да все нормально, Толик, – небрежно бросает Пиров и тянет меня к выходу. – Я этой мрази задам парочку вопросов и отпущу.

Анатолий кивает, удовлетворенный ответом. Сказали же, что все нормально, вот он и не рыпается.

У меня остается надежда только на охрану Ломика, дежурившую на входе в здание. Рома Воскобойников, Лехин старший брат, серьезно подходит ко всему, чем бы ни занимался. Вот и это здание, построенное им по проекту французского архитектора, охраняется лучше любого военного объекта. И парни, стоявшие в холле, даже имеют на лицах отпечаток интеллекта. Только там я могу заорать во все горло. Самого Ломика за пару лет работы в бизнес-центре я видела от силы раза три. Высокий и статный мужчина в костюме от Армани, с портфелем от Луи Виттона и тусклым взглядом

всегда проходил мимо, не обращая на окружающих никакого внимания. Слишком строг, слишком недоступен и надменен. Самый наглядный пример, в какое запрограммированное чучело превращается нормальный человек, когда ему на голову сваливаются большие деньги.

– Только попробуй пикни, Анжелика, – рычит мне в ухо Пирогов, и я инстинктивно дергаюсь, понимая, что явка провалена.

– Вы с ума сошли, – стараюсь освободиться я из стального захвата. – Вы меня с кем-то путаете! – пытаюсь объяснить, но в глубине души уже притаился страх. Кэрри и Малика далеко и ничем не смогут мне помочь. А я тут. Рядом. И прекрасно подхожу на роль девочки для битья. Вот будет ли порка показательной или меня просто прикопают в придорожном лесочке, я не знаю и, честно говоря, надеюсь на первый вариант. «Только отпусти меня, гад. На минуточку отпусти. Я упорхну от тебя как птичка. Сначала в Москву, а затем в Дубай. И хоть оборись здесь».

Но в тот момент, когда Пирогов силой вытаскивает меня из переговорной, я встречаюсь взглядом со своим спасителем. Леха – обаятельный сукин сын, стоит посреди холла. Волосы собраны в хвост, на глазах вечная бейсболка, но даже из-под нее видно, как меняется взгляд звезды экрана. Воскобойников свирепеет мгновенно и уже готов кинуться на моего обидчика, если бы не больная рука. И тогда он начинает говорить. Убеждать старого козла, крепко держаще-

го меня за своей спиной. Но наш артист разговорного жанра действительно обладает талантом внушения. Не только мои сотрудники, сидящие в опен-офисе и глазающие на бесплатное шоу с участием приглашенной звезды, но и я сама верю каждому его слову. Да, Леха – мой жених, и у нас скоро свадьба. Один ушлый Пирогов отказывается признать за истину лапшу, висящую у него на ушах. И требует доказательств.

В кабинет Лома торжественная процессия входит парами. Впереди шествуем мы с Лехой, а замыкает шествие хозяин кабинета и сумасшедший Игорь Петрович.

Нет! Я его, конечно, понимаю. Рога никого не красят. Но «Рупор Анжелики» имеет дело с проверенными фактами, а значит – носи на здоровье, дорогой товарищ!

– Так, – устало вздыхает Лом. – Давайте по порядку. Какие претензии ты, Игорь Петрович, предъявляешь нашей Шакире? И почему с невестой Алексея ты ведешь себя как с падшей девкой?

– Чушь какая-то, – потирает потное лицо Пирогов. – Мои люди проверяли. Источник надежный... Эта тварь пишет тексты, а вторая – подбирает фотографии.

– Сбавьте обороты, Игорь Петрович, – спокойно и холодно просит Леха, обнимая меня. Через тонкую рубашку я чувствую тепло своего защитника. Прижимаюсь к нему, понимая, что только с ним я в безопасности.

«Когда этот дурдом закончится, попрошу Воскобойникова отвезти меня в аэропорт. И сегодня же улечу к Малике, –

решаю я. – Пережду там весь гнев Пирогова, а заодно напишу еще пару статей об этой рогатой скотине. Разозлил ты меня, Игорь Петрович. Ох, разозлил!»

– Мы за Мансуровой следим второй месяц! Прослушиваем все разговоры, – в порыве ярости пыхтит Пирогов. – Леша, прости, но тебя рядом с ней никто не видел. И хватит тут устраивать спектакль. Девка тебя облила грязью. Мою Лизу. Я поклялся найти ее. И точно знаю, что это она.

– Ошибаешься, Игорь Петрович. Во всем ошибаешься. Да и где твои люди могли нас вместе видеть? Нам нет нужды светиться, – презрительно ухмыляется Леха. – У нас все тихо и спокойно. Еще никто не знает о нашем решении пожениваться. Естественно, моя семья знакома с Шакирой. Но пока ты не напал на нее, мы предпочитали хранить в тайне нашу маленькую радость.

– Хорошо, – кивает Пирогов, и мне его уже жалко. Морда пунцовая, глаза злые. Так и до инфаркта недалеко. – Я сейчас позвоню Нине Вадимовне, пусть она мне скажет...

– Не вопрос, – криво ухмыляется Лом и тут же по громкой связи набирает мать. – Ма, – тянет, как в детстве. – Лешка нашелся. Он у Киры был. А мы обыскались...

– У нашей Кирочки? – удивляется старая жаба. Вот и не знала даже, что я у нее «наша Кирочка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.